U 393/35
T. 2

20070966620

ИСТОРІЯ

РУССКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

СОСТАВИЛЪ

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ

Н. П. ГЛИНОЕЦКІЙ.

Томъ II.

1826 — 1855 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1894.

Библиотека
Академии наук
Украинской ССР
им. В. И. Ленина
43801-46

Покойный Генералъ-Лейтенантъ Н. П. Глиноецкій издалъ въ 1883 г. I томъ «*Исторіи русскаго Генеральнаго Штаба*», обнимающій періодъ времени съ 1698 по 1825 г. Продолжая до самой кончины посвящать свои досуги этой работѣ, Николай Павловичъ успѣлъ довести ее до 1855 года.

По просьбѣ вдовы, Зинаиды Александровны Глиноецкой, посмертный трудъ ея мужа нынѣ изданъ при содѣйствіи Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба, подъ моею редакціею, и составляетъ II-й томъ «Исторіи», заключающій въ себѣ очеркъ службы и дѣятельности русскаго Генеральнаго Штаба въ періодъ времени съ 1826 по 1855 г., т. е. за все царствованіе Императора Николая I.

Генеральнаго Штаба Полковникъ *Шванкъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава XII. (1826—1830 г.г.).

стр.

Значеніе для квартирмейстерскаго вѣдомства событій, ознаменовавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая.

Генералъ-квартирмейстеръ графъ Сухтеленъ 2-й. Упраздненіе училища Колоновожатыхъ и первыя предположенія о замѣнѣ его другимъ учрежденіемъ. Переименованіе свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ Генеральный Штабъ.

Военныя миссіи въ Персію и въ Константинополь. Составъ и участіе Генеральнаго Штаба въ войнахъ: Персидской 1827 — 1828 г.г. и Турецкой — 1828 — 1829 г.г. 1

Глава XIII.

Назначеніе генералъ-адъютанта Нейдгарта 2-го генералъ-квартирмейстеромъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Составъ Генеральнаго Штаба при войскахъ, предназначенныхъ для дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ. Участіе Генеральнаго Штаба въ Польской войнѣ 1830—1831 г.г. 48

Глава XIV.

Занятія коммисіи, Высочайше учрежденной въ 1829 году по составленію проекта высшаго военно-учебнаго заведенія для комплектованія Генеральнаго Штаба. Выработанный ею уставъ Императорской Военной Академіи. Открытіе Академіи 26-го Ноября 1832 года. Составъ въ ней административной и учебной части и первоначальное распредѣленіе годовыхъ и ежедневныхъ занятій 77

Глава XV.

Внутренній бытъ Императорской Военной Академіи и состояніе въ ней учебной части за время съ 1832 по 1852 г.г.

Мѣры, принимаемыя въ этотъ періодъ, для обезпеченія комплектованія Академіи обучающимися офицерами 100

Глава XVI.

стр.

Управлявшіе Генеральнымъ Штабомъ въ періодъ съ 1832 — 1855 годъ: генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, генералъ-лейтенантъ Шубертъ и генералъ-адъютантъ Бергъ. Дѣятельность ихъ: по устройству Генеральнаго Штаба: штаты Генеральному Штабу 1832., департаменту онаго 1836 г. и военно-топографическому депо 1841 г.; постоянный некомплектъ Генеральнаго Штаба и усиленіе корпуса топографовъ. Безсрочные отпуски. Оклады содержанія Генеральнаго Штаба и измѣненія въ обмундированіи 139

Глава XVII.

Занятія и служба Генеральнаго Штаба при войскахъ съ 1823 по 1853 годъ; преобладаніе смотровыхъ условій; значеніе Гвардейскаго Генеральнаго Штаба. Практическіе полевые походы и военная игра. Участіе Генеральнаго Штаба этого періода въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ; наиболѣе выдающіяся при этомъ личности: Н. И. Горскій, Н. И. Вольфъ, Д. А. Милютинъ, Б. К. Шульцъ, Р. К. Фрейтагъ, Д. В. Пассекъ, П. Е. Коцебу, А. К. Вранкенъ, графъ Ф. Л. Гейденъ и другіе 187

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Къ главѣ XII 267
„ „ XIII 271
„ „ XIV 273
„ „ XV 276
„ „ XVI 278
„ „ XVII 283

ГЛАВА XII.

(1826—1830 гг.).

Значеніе для квартирмейстерскаго вѣдомства событій, ознаменовавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая.

Генералъ-квартирмейстеръ графъ Сухтеленъ 2. Упраздненіе училища Колоновожатыхъ и первыя предположенія о замѣнѣ его другимъ учрежденіемъ. Переименованіе Свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ генеральный штабъ.

Военныя миссіи въ Персію и въ Константинополь.—Составъ и участіе генеральнаго штаба въ войнахъ: Персидской 1827—1828 гг. и Турецкой—1828—1829 гг.

Тягостны и печальны были для квартирмейстерскаго вѣдомства послѣдніе дни 1825 и начало 1826 года. Вступленіе на престолъ новаго императора ознаменовано было извѣстными безпорядками, въ которыхъ главную роль играли военные, а въ ихъ числѣ по преимуществу лица, занимавшія штабныя должности. Немедленно послѣ происшествія 14-го Декабря на Сенатской площади, начались усиленные аресты, которымъ подверглись и многіе чины квартирмейстерской части; вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ пришли смутные слухи о какомъ-то возстаніи войскъ на югѣ Россіи, во главѣ котораго стояли Муравьевы. При таинственности, которою было окружено на первыхъ порахъ разслѣдованіе дѣйствій тайныхъ обществъ, народная молва, преувеличивая совершившіеся факты, совершенно искажала ихъ. Въ народѣ и даже въ военномъ обществѣ происшедшія событія представлялись чѣмъ-то необыкновеннымъ, ужаснымъ, причемъ чуть не главная роль выпадала на квартирмейстерское вѣдомство и на тѣсно съ нимъ связанную фамилію Муравьевыхъ. Слухи носились, что Муравьевы являются учредителями тайныхъ обществъ, составителями для нихъ уставовъ,

что ими произведено военное возстаніе въ Кіевской губерніи, чт въ колоновожатыхъ, въ квартирмейстерскихъ офицерахъ, они имѣл надежныхъ помощниковъ, которыхъ заблаговременно искусным образомъ къ тому подготовляли. Судебное изслѣдованіе показал неосновательность этихъ слуховъ и доказало, что хотя отдѣльны лица изъ квартирмейстерскаго вѣдомства и были замѣшаны в преступныя дѣянія, тѣмъ не менѣе самая степень преступност этихъ лицъ оказалась далеко не столь значительною, какъ ра несла о томъ первоначальная молва.

При первоначальныхъ послѣ 14-го Декабря дознаніях Высочайше учрежденной слѣдственной коммисіи, арестовано был около двадцати офицеровъ, состоявшихъ на службѣ въ Свитѣ Ег Величества по квартирмейстерской части, а также и нѣсколь лицъ, принадлежавшихъ къ этому же вѣдомству по прежней свое службѣ. Въ числѣ послѣднихъ были между прочими лица близкі къ Н. Н. Муравьеву и къ его Московскому училищу; такъ, был арестованы два его сына—Александръ и Михаилъ, находившіес въ то время въ отставкѣ, Колошинъ, Бурцовъ. Однако невинност многихъ изъ арестованныхъ не замедлила выказаться и они посте пенно были освобождаемы; въ числѣ послѣднихъ находился и М. Н. Муравьевъ, противъ котораго не было никакихъ серьезных обвиненій, кромѣ того, что онъ основалъ тайное общество «Союз Благоденствія», которое, не имѣя политическаго значенія, предназна-чалось только для противодѣйствія заговору, во главѣ котораг стоялъ Пестель [1]).

Въ числѣ 121 человѣкъ, окончательно признанныхъ виновным и подвергнутыхъ верховному уголовному суду, оказалось всего 16 офицеровъ квартирмейстерской части, изъ числа которыхъ только одинъ—Никита Алексѣевичъ Муравьевъ, служившій капитаномъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, былъ отнесенъ по суду къ числу преступниковъ перваго разряда, причемъ и ему, въ уваже-ніе полной откровенности и чистосердечнаго сознанія, смертная казнь была замѣнена ссылкою на 20 лѣтъ въ каторжную работ. такому-же наказанію былъ подвергнутъ и поручикъ Крюковъ 2. Затѣмъ, изъ числа остальныхъ, трое были сосланы въ каторгу на 12 лѣтъ (Фаленбергъ, Корниловичъ и Бобрищевъ-Пушкинъ 2), четверо только на два года (Черкасовъ, Загорецкій, Аврамовъ.

Лихаревъ), трое сослано на поселеніе (Враницкій, Заикинъ, Бобрищевъ-Пушкинъ 1) и одинъ рядовымъ въ дальніе гарнизоны безъ выслуги (графъ Коновницынъ); всѣ тринадцать съ лишеніемъ чиновъ и дворянства; наконецъ, двое (подпоручикъ Искрицкій и прапорщикъ Палицынъ), по выдержаніи въ крѣпости, переведены тѣми-же чинами въ гарнизонные баталіоны. Всѣ эти пятнадцать лицъ принимали весьма пассивное участіе въ тайныхъ обществахъ и особенно въ декабрьскомъ происшествіи, будучи увлечены вліяніемъ на нихъ Пестеля; между ними только трое имѣли свыше 30 лѣтъ (Враницкій—40, Никита Муравьевъ и Фаленбергъ по 33), двое свыше 25 (Корниловичъ и Загорецкій), а изъ остальныхъ десяти двое (Палицынъ и графъ Коновницынъ) едва достигали 18 лѣтняго возраста. Нельзя не обратить вниманія также на то, что ни одинъ изъ этихъ офицеровъ не принималъ участія въ открытомъ возстаніи на Сенатской площади; въ возстаніи-же Черниговскаго пѣхотнаго полка, предводимаго Сергѣемъ Муравьевымъ Апостоломъ, участвовалъ одинъ офицеръ квартирмейстерской части, 18 лѣтній, только что произведенный въ офицеры, Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ, который, по однимъ извѣстіямъ, былъ убитъ въ дѣлѣ подъ Королевкою, по другимъ-же самъ застрѣлился изъ пистолета, видя, что братъ его раненъ и общее дѣло ихъ окончательно проиграно. Юноша этотъ не могъ, конечно, имѣть никакого вліянія на войска, къ которымъ прибылъ лишь за нѣсколько дней до возстанія, единственно изъ братской любви, чтобы раздѣлить съ братьями своими—Сергѣемъ и Матвѣемъ, опасное ихъ положеніе. Кромѣ этихъ чиновъ, по суду, производившемуся при 2 арміи, Свиты Его Величества по квартирмейстерской части поручикъ Лачиновъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ чиновъ и дворянства за то, что, зная о существовавшемъ заговорѣ, не донесъ о томъ.

Независимо отъ названныхъ офицеровъ квартирмейстерской части, въ спискѣ осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ находимъ еще четырехъ лицъ, которыя по прежней своей службѣ принадлежали этому вѣдомству, а именно: отставного полковника Александра Николаевича Муравьева, Петра Муханова (штабсъ-капитана Л.-гв. Измайловскаго полка), графа Захарія Чернышева (ротмистра Кавалергардскаго полка) и Николая Басаргина (пору-

чика Л.-гв. Егерскаго полка, состоявшаго въ должности старшаго адъютанта главнаго штаба 2-й арміи). Послѣдніе трое служили колоновожатыми и воспитывались въ Московскомъ учебномъ заведеніи, а первый служилъ въ квартирмейстерской части до чина полковника. Всѣ они были подвергнуты наказанію въ слабой степени, а А. Муравьевъ сосланъ въ Сибирь на жительство даже безъ лишенія чиновъ и дворянства, а черезъ три года принятъ въ гражданскую службу и изъ всѣхъ декабристовъ былъ единственнымъ, которому снова возвращенъ мундиръ квартирмейстерской части, переводомъ его въ 1851 году въ генеральный штабъ [2]).

Всего, такимъ образомъ, изъ служащихъ въ Свитѣ по квартирмейстерской части было осуждено 16 человѣкъ, въ томъ числѣ 2 штабъ-офицера и 14 оберъ-офицеровъ; изъ числа послѣднихъ только двое въ чинахъ выше поручика, а 12 въ этомъ чинѣ и ниже его. Сравненіе этихъ цифръ съ тогдашней числительностію чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства показываетъ [3]), что изъ 58 штабъ-офицеровъ наличнаго состава было 2 осужденныхъ, а изъ 227 оберъ офицеровъ—14, т. е. изъ первыхъ около $3^1/_2$ процентовъ, а изъ вторыхъ менѣе $7^0/_0$. Если припомнить, что въ это-же время изъ гвардейскаго флотскаго экипажа было осуждено 10 офицеровъ, изъ Кавалергардскаго полка—6, изъ Л.-гв. Измайловскаго и Финляндскаго по 5 изъ каждаго, то очевиднымъ станетъ, что процентъ участвовавшихъ въ заговорѣ изъ этихъ послѣднихъ частей будетъ несравненно выше, чѣмъ изъ чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства.

Отсюда видно, что ни по своей числительности въ средѣ заговорщиковъ, ни по своему особо выдающемуся значенію, чины квартирмейстерскаго вѣдомства не имѣли въ числѣ декабристовъ преобладающаго значенія, а между тѣмъ на это вѣдомство палъ съ 1825 года упрекъ, къ сожалѣнію слишкомъ долго державшійся въ нашемъ обществѣ, что именно квартирмейстерскіе офицеры, или какъ ихъ тогда чаще называли—свитскіе, были главными зачинщиками, руководителями и участниками волненій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая. Изъ этого-же невѣрнаго въ своемъ основаніи мнѣнія получило начало и другое убѣжденіе, составившееся въ нашемъ обществѣ, а къ сожалѣнію нерѣдко раздѣляемое и военными начальниками, что

будто самый мундиръ генеральнаго штаба служитъ какъ-бы вывѣскою вольнодумства, какого-то анти-правительственнаго настроенія. Упрекъ этотъ ложится тѣмъ болѣе прискорбнымъ пятномъ на цѣлое вѣдомство, что онъ, во-первыхъ, не заслуженъ, а во-вторыхъ, разъ укоренившись, трудно изглаживается. Войсковая часть, утратившая знамя, покрывшая свой мундиръ позоромъ, можетъ легко загладить свою вину, смыть лежащее на ней пятно какимъ либо славнымъ отличіемъ, въ которомъ будутъ выдѣляться не личности, а коллективная единица, представляющая всю часть. Но корпусъ офицеровъ, разъ отмѣченный ложно направленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, заподозрѣнный въ ненадежности, не легко можетъ снова возстановить свою репутацію, въ особенности, когда еще и обстоятельства сложатся почему либо неблагопріятно для него. Къ сожалѣнію, такъ и было послѣ 1825 года.

Происшествіе, случившееся въ Петербургѣ 14-го Декабря 1825 года, было полнѣйшей неожиданностію для жителей столицы; войска выведены были изъ казармъ по особымъ приказаніямъ, но штабы не трогались съ мѣстъ: Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, барона Дибича, не было въ Петербургѣ; генералъ-квартирмейстеръ Адеркасъ, по болѣзни, не выѣзжалъ изъ дому; многіе офицеры были въ отсутствіи изъ столицы, будучи уволены въ отпускъ; остававшіеся безъ приказанія генералъ-квартирмейстера не считали для себя обязательнымъ явиться на площади. Вслѣдствіе того и произошло, что возлѣ новаго Императора почти вовсе не видно было квартирмейстерскихъ мундировъ, тѣмъ болѣе, что и немногіе выѣхавшіе (генералъ-адъютантъ К. Ф. Толь, полковники: князь Андрей Михайловичъ Голицынъ 1 и Николай Дмитріевичъ Дурново 2)—были въ мундирахъ генералъ-и флигель-адъютантовъ; только одинъ Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-маіоръ А. И. Нейдгартъ 2, да гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Траскинъ были въ мундирѣ квартирмейстерскаго вѣдомства. Уже этого одного обстоятельства достаточно было, чтобы повредить цѣлому вѣдомству. Затѣмъ, съ первыхъ-же арестовъ, послѣдовавшихъ за 14 Декабря, обнаружилось, что изъ квартирмейстерскаго вѣдомства по преимуществу участвовала въ заговорѣ молодежь, что въ числѣ участниковъ было четверо офицеровъ, занимавшихся преподаваніемъ въ

училищѣ Колоновожатыхъ (Корниловичъ, Искрицкій, Палицынъ и графъ Коновницынъ). Этихъ двухъ фактовъ было достаточно для того, чтобы рѣшить въ принципѣ необходимость кореннаго преобразованія квартирмейстерскаго вѣдомства. Преобразованіе это, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно было исполнено и притомъ въ довольно рѣзкихъ чертахъ, измѣнившихъ названіе самаго вѣдомства, систему его комплектованія, самый составъ его, короче сказать—квартирмейстерское вѣдомство подверглось полному переформированію, чего не было сдѣлано ни съ одной изъ частей войскъ, участвовавшихъ въ декабрьскомъ происшествіи.

Всѣ эти обстоятельства невольно содѣйствовали упроченію въ обществѣ нашемъ того приговора о квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ или нынѣшнемъ генеральномъ штабѣ, который, разъ укоренившись, къ сожалѣнію, трудно было исторгнуть съ корнемъ. Приговоръ этотъ укоренился видимо вопреки желанія правительства, которое не предполагало виновность заговорщиковъ переносить на ихъ семьи, а, конечно, тѣмъ болѣе на ихъ сослуживцевъ. Самымъ лучшимъ образомъ это выражено въ манифестѣ Императора Николая, данномъ 13 Іюля 1826 года и служившемъ заключительнымъ словомъ о всѣхъ прискорбныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ начало новаго царствованія. «Наконецъ», сказано въ манифестѣ, «среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что, въ глазахъ Нашихъ, союзъ родства передаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій и болѣе еще претитъ законъ христіанскій».

Эти великодушныя слова Великаго Монарха, высказанныя относительно семьи, вполнѣ могутъ быть примѣнены и къ цѣлому вѣдомству, составляющему также семью служебную: и здѣсь также родство служебное должно бы передавать потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаться безчестіемъ за личные пороки или преступленія прошлаго.

Мысль о необходимости преобразованія квартирмейстерскаго вѣдомства видимо занимала Императора Николая съ первыхъ дней его царствованія, но исполненіе по этому предмету замедлялось разными обстоятельствами. Болѣе важныя государственныя дѣла отвлекали отъ этого дѣла, да къ тому-же Государь видимо затруднялся выборомъ лица, на которое возможно было-бы возложить разработку Высочайшихъ указаній и приведеніе ихъ въ исполненіе. Генералъ-квартирмейстеръ Адеркасъ почти постоянно былъ боленъ, а замѣстить его было некѣмъ, такъ какъ изъ числа 33 генераловъ тогдашняго квартирмейстерскаго вѣдомства, одни занимали мѣста, съ которыхъ неудобно было ихъ смѣщать, другіе-же были уже въ лѣтахъ, или-же, принадлежа по своему прошедшему болѣе наукѣ и кабинетнымъ занятіямъ, чѣмъ строю и практической жизни, признавались не подходящими къ новымъ требованіямъ.

Въ чѣмъ-же, однако, заключались эти новыя требованія? Различныя указанія дозволяютъ дать на этотъ вопросъ довольно положительный отвѣтъ.

Главнымъ упрекомъ противъ квартирмейстерскаго вѣдомства является то, что въ составъ его входили чины слишкомъ молодые, что они мало были знакомы съ строевою службою, что въ этомъ вѣдомствѣ вообще дисциплина была въ упадкѣ, что, наконецъ, для службы по квартирмейстерской части нужно болѣе высшее военно-научное образованіе, чѣмъ то, которое было усваиваемо колоновожатыми. Все это выясняется изъ послѣдующихъ распоряженій по преобразованію квартирмейстерской части и становится понятнымъ, если принять во вниманіе тѣхъ лицъ, которыя по этому предмету были удостоены довѣріемъ Императора Николая. Лица эти были: генералъ-адъютантъ баронъ Жомини и начальникъ главнаго штаба Его Величества, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ. Оба они по прежней своей службѣ принадлежали генеральному штабу, хотя и были представителями двухъ совершенно разныхъ взглядовъ. Баронъ Жомини, какъ ученый и теоретикъ, ставилъ на первое мѣсто высшія военно-научныя познанія, считая ихъ крайне необходимыми для штабной службы вообще; онъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ значительное вліяніе на введеніе этихъ знаній въ кругъ предметовъ образованія офицеровъ нашего гене-

ральнаго штаба. Баронъ же Дибичъ, какъ вышедшій изъ строя, не бывшій колоновожатымъ и старавшійся даже парализовать установленную княземъ Волконскимъ систему комплектованія квартирмейстерской части, учрежденіемъ Могилевской офицерской школы, былъ сторонникомъ преобладанія чисто строеваго начала въ подготовкѣ офицеровъ генеральнаго штаба. Математика, высшія военныя науки, общее образованіе,—все это, конечно, считалось, полезнымъ для офицера генеральнаго штаба, но знаніе войскъ, знаніе строя и всѣхъ тонкостей фронтовой службы, Дибичъ, видимо, ставилъ на первомъ планѣ. Взглядъ этотъ выясняется изъ проектированнаго Дибичемъ положенія о Могилевской школѣ, изъ того вниманія, которое онъ обращалъ еще въ штабѣ первой арміи на привлеченіе квартирмейстерскихъ офицеровъ къ строевымъ занятіямъ, наконецъ, изъ той настойчивости, которою онъ, будучи уже начальникомъ главнаго штаба, употреблялъ для упроченія строеваго образованія колоновожатыхъ. Естественно, что послѣ событій 14-го Декабря взглядъ этотъ еще болѣе долженъ былъ въ немъ укорениться, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ согласовался и съ видами Императора.

Вліяніе этихъ-то обстоятельствъ и не замедлило выразиться въ выборѣ новаго генералъ-квартирмейстера на мѣсто Адеркаса, а также и въ послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ уничтоженіи училища колоновожатыхъ.

Высочайшимъ приказомъ 7-го Апрѣля 1826 года, генералъ-лейтенантъ Адеркасъ былъ уволенъ, по болѣзни, отъ службы, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ, а 20-го Мая того же года назначенъ на его мѣсто генералъ-квартирмейстеромъ главнаго Штаба Его Императорскаго Величества командиръ гусарской бригады, генералъ-маіоръ графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ 2-й, зачисленный вмѣстѣ съ тѣмъ въ квартирмейстерское вѣдомство.

Новый генералъ-квартирмейстеръ, хотя и получилъ прекрасное воспитаніе, подъ непосредственнымъ руководствомъ своего отца, Петра Корниловича Сухтелена, хотя и началъ службу свою колоновожатымъ, а потомъ подпоручикомъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, но затѣмъ по своей дальнѣйшей службѣ былъ вполнѣ боевымъ и строевымъ кавалерійскимъ офицеромъ. Родившись въ С.-Петербургѣ 23-го Августа 1788